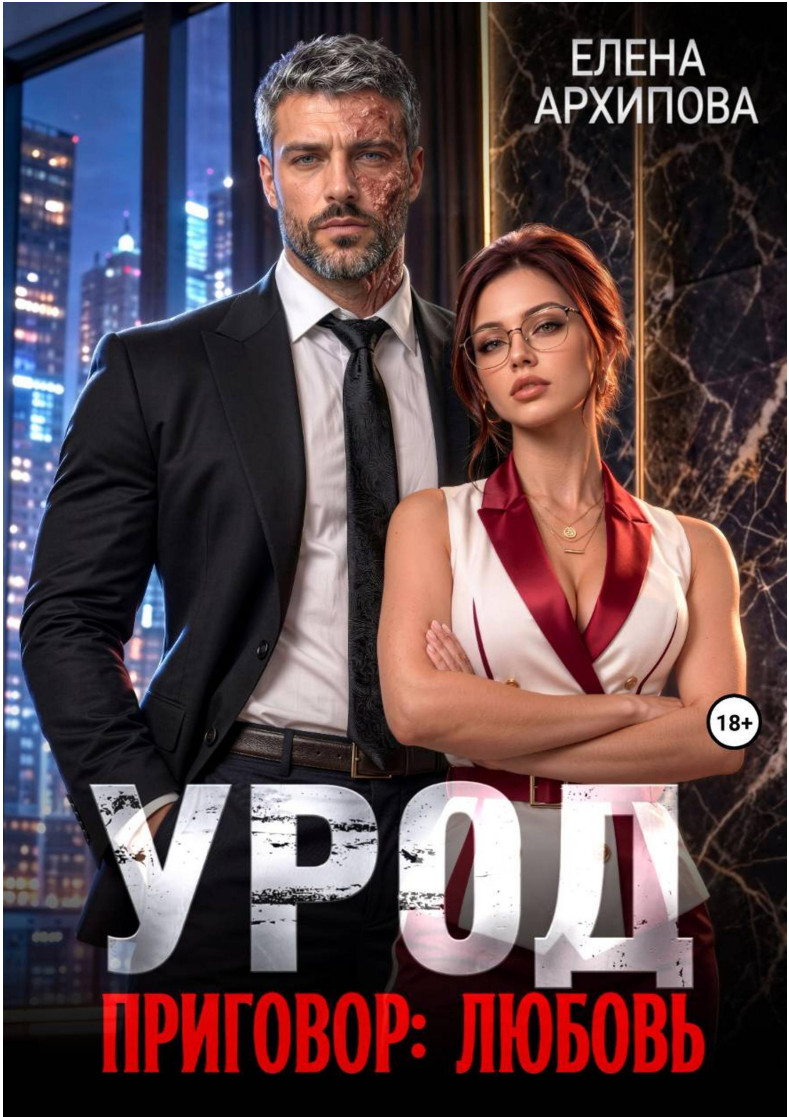

ЕЛЕНА
АРХИПОВА
18+
УРОД
ПРИГОВОР: ЛЮБОВЬ

Елена Архипова

Урод. Приговор: любовь

https://litres.ru/74694039
SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Шарова точно знает три вещи: Игорь Гордеев — лучший адвокат города; Гордеев — её личное проклятие; и Гордеев записан у неё в телефоне как «Урод».

Чего она не знает, так это почему он подсказывает ей, где искать подвох в собственном деле. И почему на свадьбе лучшей подруги ей предстоит держать кольца в паре именно с ним.

Он видит любую ложь. Она видит любой страх. Осталось выяснить, кто из них первым соврёт себе.

Взрослые герои. Острые диалоги. Притяжение, которое не предусмотрено ни одним кодексом.

Содержание

Глава 1. Броня в порядке 5
Вступление. 6
Глава 2. Шахматы с голубем 13
Глава 3. Табличка на двери 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Елена Архипова
Урод. Приговор: любовь

Глава 1. Броня в порядке

Вступление.

Два года назад, после проигранного дела, Елена Шарова записала его в телефоне одним словом: «Урод». В сердцах. Без всякой отсылки к лицу.

Так Игоря Гордеева называют все. За глаза. За ожог на половину лица, за ледяной голос и за то, что в суде он не оставляет оппонентам шансов.

Теперь они снова по разные стороны. Её клиентка что-то скрывает, а он, кажется, знает её тайну лучше самой Елены. И одного его слова хватит, чтобы уничтожить и клиентку, и карьеру, которую Елена строила восемь лет.

Только вместо удара он почему-то даёт подсказку.

А ещё её лучшая подруга выходит замуж за его брата. Значит, свидетелям придётся стоять рядом, держать кольца и делать вид, что всё под контролем.

Он видит ложь по одному взгляду в пол. Она видит страх под любой бронёй. Только друг перед другом их броня почему-то не работает.

«Мне нравится, когда вы спорите», — говорит он.

Комплимент? Угроза? Или приговор, который уже не обжаловать?

Глава 1. Броня в порядке

Лифт в здании суда был зеркальным. Кто-то из архитекторов, видимо, решил, что человек, идущий отстаивать свои права, должен перед этим как следует на себя посмотреть.

Елена Андреевна Шарова, адвокат по бракоразводным делам, посмотрела, окинув себя придирчивым взглядом.

Из зеркала на неё глядела женщина в идеально сидящих брюках, сером жилете и белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, кроме одной: одна расстёгнутая пуговица говорит об уверенности, две означают, что вы пришли не туда.

Каблук не слишком высокий, но и не совсем плоский. Первый — это про даму лёгкого поведения, второй про синий чулок. Ни тот, ни другой вариант Елену не устраивал.

Тёмные волосы были собраны в "небрежный пучок", который на самом деле таковым тоже не являлся, но кому же это интересно, верно? Очки в тонкой дорогой оправе и помада, которую подруга Вика когда-то назвала «я вас засужу, но красиво».

Ничто в этой женщине не выдавало, что последние сутки она провела в спортивных штанах, на чужой кухне, с чужой бедой и с собственной бессонницей, а спала в общей сложности часа полтора, сидя, в обнимку с подушкой, пахнущей Викиным кондиционером для белья.

— Броня в порядке, — отчиталась Елена, глядя в свои гла-

за в отражении зеркала и тут же добавила, потому что честность с собой входила у неё в ту же категорию, что и маникюр, то есть была обязательной: — Под бронёй, конечно, полный бардак. Но туда никто и не смотрит.

Лифт звякнул, сообщив металлическим голосом: “Пятый этаж”.

Елена сделала глубокий вдох, резкий выдох и вышла в коридор. Он встретил её запахом казенного кофе, бумаги и чужих нервов.

На скамейках вдоль стены сидели люди с одинаковым выражением лица: так смотрят на мир, когда уже заплатили адвокату, но ещё не знают, за что именно.

Её клиентка, Ирина Лаврова, сидела у окна, с прямой, как указка, спиной, с едва заметным макияжем, идеально зализанными в пучок на затылке волосами и в дорогом кашемировом пальто цвета топленого молока.

Женщине был пятьдесят один год. Ей принадлежала сеть кондитерских «Мадлен», раскиданных по всему городу. За спиной у клиентки было двадцать три года брака и муж, который полгода назад решил, что жизнь слишком коротка, чтобы проводить её с женщиной, знающей рецепт идеального эклера и слишком длинна, чтобы делить нажитое честно.

— Вы опоздали, — сказала Ирина вместо приветствия.

— Я пришла за семь минут до начала, — парировала абсолютно спокойно Елена. — Это называется «вовремя с запасом». Опоздание — это когда через семь минут после на-

чала. Как вы?

— Он уже здесь, — Ирина повела куда-то за спину Елены подбородком.

Ей не нужно было спрашивать, кто. Вадим Лавров стоял в дальнем конце коридора: загорелый, подтянутый, в джемпере, который стоил как подержанная иномарка. Рядом с ним стоял его адвокат, который всегда и везде собирал всё внимание на себя.

Игорь Гордеев.

Он стоял, сунув руки в карманы брюк, пиджак расстегнут, галстук завязан с той аккуратностью, какая бывает у людей, не оставляющих миру ни одного лишнего повода для разговоров.

Короткая стрижка, волосы цвета соль с перцем, и перца уже заметно меньше, чем соли. Вся левая половина лица Игоря была травмирована ожогом. Именно он притягивал внимание всех и каждого. Но стоило только Игорю посмотреть на излишне интересующегося, как человек тут же делал вид, что не смотрит ни на шрамы, ни на самого Игоря.

Ожог начинался на лбу, стягивал кожу на скуле и щеке, уходил вниз по челюсти, на шею и под белый воротник. Что наводило на мысли, что и на теле у мужчины есть ожоги.

Из нужного им зала вышла секретарь и объявила:

— Кто на десять? Проходите!

— Ирина, идёмте, — обратилась Елена к своей клиентке и первая двинулась в сторону распахнутой двери.

И именно в этот же момент, к входу в зал, пошли и мужчины.

Елена смотрела на Игоря прямо, внимательно и абсолютно спокойно. Так, как смотрела на любого другого своего оппонента, собираясь разнести его в пух и прах.

Он заметил. Она увидела это по тому, как на долю секунды, словно бы не веря, замер его взгляд. И как сразу за этим на правой, здоровой половине лица мужчины, дрогнула в удивлении бровь.

Так реагирует человек, который уже привык к одной, одинаковой у всех реакции, но её не последовало. И теперь он совершенно точно был сбит с толку, не зная как себя вести.

— Доброе утро, Елена Андреевна, — сказал Гордеев, когда она подошла ближе.

Голос у него был ровный и прохладный, как мрамор в хорошем отеле, он настойчиво сверлил её взглядом, видимо будучи полностью уверенным, что вот сейчас то уж она, приблизившись, точно отведет взгляд.

— Утро добрым не бывает, Игорь Сергеевич, — ответила точно таким же ровным голосом, ни на секунду не отводя взгляда от его лица. — Бывает утро, в которое я выигрываю, и все остальные.

— Значит, сегодня у вас одно из остальных.

— Смелое заявление для человека, у которого клиент пришел в суд в джемпере.

Вадим Лавров дёрнулся и посмотрел на свой джемпер, об-

тягивающий крепкий торс так, словно там было пятно о котором он не знал.

Гордеев даже не моргнул. Только правый, здоровый, уголок губ чуть приподнялся в подобии улыбки. Впрочем, объективно, улыбкой это назвать было нельзя, скорее пометкой на полях: «Принято к сведению».

— Мой клиент пришел в суд в том, в чём ему удобно, — парировал он. — В отличие от вашей клиентки, которой, судя по всему, неудобно примерно всё. Особенно некоторые вопросы.

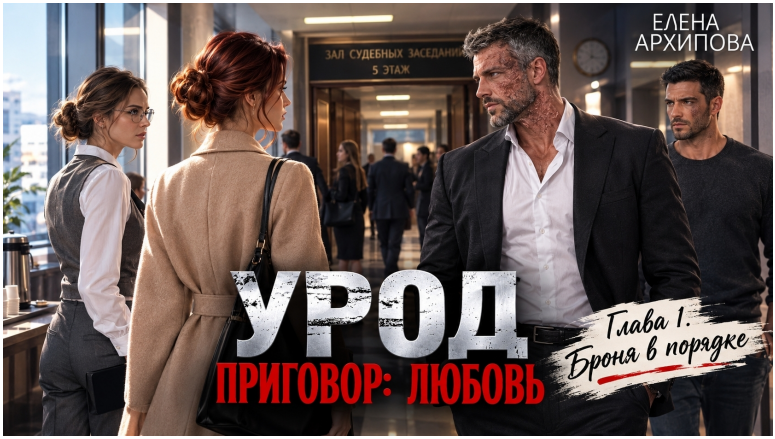
— Какие именно вопросы?

— Узнаете. Если повезёт.

Гордеев пропустил Елену вперёд коротким жестом, вежливо и безупречно. За этой вежливостью явно скрывалось что-то ещё, и Елене это категорически не понравилось.

«Он явно что-то знает, — подумала она, проходя мимо него и чувствуя запах дорого парфюма с горьковатой ноткой полыни и чего-то, отдаленно похожего на дым сигарет. — Или делает вид, что знает. С этим человеком никогда не понятно, где блеф, а где козырь. Не зря же о нем говорят, что он видит, когда ему лгут».

И уже будучи в зале, проходя к своему месту, ей совершенно неожиданно пришла мысль: «Интересно, это касается только работы или личной жизни тоже?»


ЕЛЕНА
АРХИПОВА
ЗАЛ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ
5 ЭТАЖ
УРОД
ПРИГОВОР: ЛЮБОВЬ
Глава 1.
Броня в порядке

Глава 2. Шахматы с голубем

Заседание продлилось сорок минут, и за эти сорок минут не случилось ничего, о чём стоило бы рассказывать за ужином в кругу семьи.

Судья, усталая женщина с прической, пережившей не одну реформу правосудия, слушала стороны с видом человека, уже много чего услышавшего в этих стенах и ничему не удивляющемуся.

Сторона Лаврова представила новую оценку загородного дома, стоящего в элитном поселке с простецким названием «Сосновая гавань».

Дом в три этажа с колоннами из мрамора, крытый бассейн, зимний сад и гектар соснового леса, вдруг оказались на сорок миллионов оцененными ниже прежнего. А все потому, что, как выяснилось, рядом планировали строить платную дорогу и двухуровневую развязку.

— Развязку, — вполголоса повторила Елена, глядя в бумаги. — Там на тридцать километров вокруг одни сосны и заборы. Кто там будет развязываться, белки? А по платной трассе, видимо, будут лоси с зайцами гонять наперегонки.

— Ходатайство об отложении для ознакомления с документами? — спросила судья, не поднимая глаз.

— Да, ваша честь.

Отложили на три недели. Яхту под названием «Кара-

мель», которую Вадим Лавров купил четыре года назад и записал на свою мать, сегодня даже не обсуждали. Двенадцать кондитерских, которые Ирина Лаврова, по её словам, построила своими руками, а по словам её мужа, «всего лишь помогала вести», тоже оставили до лучших времён.

В коридоре Ирина сразу же ушла к окну звонить дочери. Елена задержалась, чтобы убрать документы в портфель, и оказалась у кулера одновременно с Гордеевым. Совпадение было настолько неслучайным, что почти неприличным.

— Развязка, — сказала она, набирая воду в пластиковый стаканчик и следя за тем, чтобы не была слишком холодной. — Серьёзно?

— Есть генеральный план развития территории. Документ официальный, — прозвучало рядом с ней.

— Генеральный план развития территории в нашем регионе меняется едва ли не чаще, чем причёска у вашего клиента.

— Елена Андреевна, вы сегодня как-то очень уж внимательны к внешности моего клиента, — поддел её Гордеев.

— Профессиональная деформация, знаете ли. И да, я по джемперу могу определить, сколько он прячет на счетах.

— И сколько?

— Больше, чем вы мне в итоге покажете.

Гордеев тоже налил себе воды и повернулся так, что оказался к ней здоровой стороной лица. Елена отметила это машинально, подумав при этом: “Интересно, это привычка?”

Или он просто ждал, что она, как все, будет смотреть на правую сторону, лишь бы не видеть левую?

— Елена Андреевна, — сказал он тихо, будто между делом. — Спросите вашу клиентку про март. Три года назад.

— Что было в марте три года назад?

— Понятия не имею, — ответил Гордеев, и Елена готова была поклясться, что он врёт, причём явно смакует собственную ложь, как гурман, растягивающий десерт. — Просто ваша клиентка каждый раз, когда речь заходит о финансах сети, смотрит в одну точку на полу. Люди так смотрят, когда что-то вспоминают, а не когда придумывают. А вспоминают они обычно то, о чём хотели бы забыть.

— Вы мне сейчас помогаете? — удивилась.

— Я? — он допил воду и смял стаканчик одним движением. — Я никому не помогаю. Я просто не люблю выигрывать у неподготовленных. Это как играть в шахматы с голубем: он разбросает фигуры, нагадит на доску и улетит рассказывать, что победил.

— Вы только что сравнили меня с голубем? — не поверила.

— Я сравнил с голубем вашу позицию. Вы пока что выглядите значительно лучше.

Он кивнул ей — коротко, сдержанно, как кивают равному, и пошёл к выходу. Дорогой пиджак был небрежно перекинут через правое плечо, и от этого небрежения его силуэт казался ещё более уверенным: ткань струилась по спине, подчёр-

кивая её ширину, а рукав свободно покачивался в такт шагам.

Елена невольно залюбовалась. Мощная спина под тонкой сорочкой, широкие плечи, которые ткань облегала так, что угадывался каждый мускул под ней. Пиджак скользил по его плечу, открывая шею и линию воротника, и почему-то именно эта деталь — открытая шея, резкая линия челюсти, поворот головы — держала её взгляд дольше, чем следовало.

Он шёл спокойно, не спеша, но в каждом движении чувствовалась сдержанная сила: шаг твёрдый, спина прямая, брюки дорогого кроя облегали бёдра и ягодицы так, что Елена поймала себя на мысли, что смотрит слишком внимательно.

"Шикарная задница!" — подумала и тут же мысленно одёрнула себя, но взгляд уже скользнул ниже, по длинным ногам, по тому, как ткань натягивается при каждом шаге.

Он не оборачивался. Он знал, что она смотрит. Знал — и не обернулся, оставив ей это маленькое поражение.

Елена вздёрнула подбородок, поправила очки и отвернулась, но перед глазами всё ещё стояла его спина — широкая, мощная, с этим небрежно брошенным пиджаком, который вдруг показался ей самым соблазнительным предметом гардероба во всём зале суда.

"Твою-то маковку, Шарова! Это ж Гордеев! — напомнила она сама себе. — Он никогда и никому не помогает! Никогда и никому!"

Двое молоденьких помощников у соседней двери прервали разговор, проводили его взглядами, и кто-то из них сказал другому что-то короткое, судя по губам из двух слогов. Елена прекрасно знала, какое слово произнёс парень.

Игоря Гордеева так называли по всему городу, во всех судах, в курилках юридических фирм и в чатах, куда стажёры скидывали мемы про начальство. Тихо, за спиной и никогда в лицо.

Урод.

И Елена вдруг почувствовала, как внутри неприятно царапнуло обидой за мужчину, и разозлилась уже на себя. «Не вздумай, — сказала она себе. — Не вздумай его жалеть. Он только что назвал тебя голубем».

Хотя, справедливости ради, он сказал, что назвал голубем её позицию.

И, справедливости же ради, в её собственном телефоне он был записан именно так. Одним словом. Она подписала его два года назад, после того как он разгромил её на процессе о разделе бизнеса между двумя братьями-рестораторами.

А ведь когда-то он был у неё записан по фамилии, но после проигранного процесса, она сделала это в сердцах и без привязки к его внешности.

Сейчас, глядя вслед Игорю, она вдруг подумала, что надо бы его обратно переименовать, а то как-то это уже глупо и нелепо. Как-то непрофессионально даже.

Глава 3. Табличка на двери

Офис юридической фирмы «Савельев и партнёры» располагался на двадцать шестом этаже башни из стекла и самолюбования.

Пахло там деньгами, дорогим кофе и чужими разводами: за последние три года семейное право стало для фирмы золотой жилой.

Богатые разводились чаще бедных.

— Бедным просто нечего делить. Их котов и детей и ЗАГС поровну поделит, — как однажды цинично высказался Савельев.

На скоростном лифте Елена поднялась на свой этаж. Вышла, кивнула коллегам, привычно отшутилась на чью-то дежурную шутку и вошла в свой кабинет.

Она успела снять пальто, сесть в кресло и даже включить ноутбук, как дверь её кабинета распахнулась и к ней заглянула личная секретарша Савельева.

Даша ещё ничего не успела сказать, а Елена, только взглянув на девушку уже всё поняла. У Даши было то особенное выражения лица, с которым она обычно сообщала, что «Борис Аркадьевич просил зайти».

— Борис Аркадьевич просил зайти, — тут же сказала Даша, подтверждая догадку Елены.

— Даша, как же я тебя люблю за твою предсказуемость,

— проговорила Елена, вставая со своего места.

— А он вас любит за выигранные дела, — парировала секретарь, — поэтому сейчас будет серьезный разговор.

Елена тяжело вздохнула, забрала со стола телефон и вышла из кабинета вслед за Дарьей.

— Он сегодня в настроении? — спросила секретаря, пока они шли к кабинету директора. На самом деле Елене было всё равно, но не идти же им было в молчании.

— Ну так, — девушка покачала в воздухе ладонью, — как обычно, с женой поругался.

Эта информация Елене была абсолютно ни к чему, а поэтому она проигнорировала её.

Её шефу, Борису Аркадьевичу Савельеву, было шестьдесят два года. Начальство имело презентабельный вид, седую гриву и аккуратную, седую же бородку. Предпочитало носить обязательный костюм-тройку и душиться одним и тем же, хоть и очень дорогим одеколоном.

Борис Аркадьевич имел отвратительную привычку разговаривать со своими подчиненными так, будто он лично их родил в муках и до сих пор не уверен, что терпел их не зря.

Елена подошла к массивной двери и постучала. Услышала величественное “Входи!” и открыла дверь.

Савельев встретил Елену стоя у окна.

— Дело Лавровых, — сказал он вместо «здравствуй».

— Отложили на три недели. Сторона мужа принесла новую оценку дома. Будем оспаривать, — Елена, тоже не оста-

лась в долгу, отрапортовав исключительно по делу.

— Обязательно будем! — Савельев повернулся к ней лицом. — Леночка, давай я скажу тебе прямо. Ирина Лаврова — дочь человека, который через полгода, возможно, войдёт в совет директоров одного очень крупного банка. Если мы выиграем ей это дело, банк станет нашим клиентом. Если банк станет нашим клиентом, мне понадобится новый партнёр, чтобы его вести.

Он сделал театральную паузу, ожидая реакции Елены. Среди его подчиненных бытовало мнение, что Савельев вообще пошёл в юриспруденцию исключительно ради таких вот эффектных пауз.

— Я понимаю, — ответила Елена ровно.

— Нет, ты не понимаешь! — Савельев отошел от окна. — Я говорю про табличку на стене нашего этажа. «Савельев, Шарова и партнёры». Звучит?

Звучало. Ещё как звучало. Елена восемь лет пахала на эту фирму!

Пахала так, что у неё не было ни выходных, ни отношений длиннее четырёх месяцев, ни даже кота.

Кота потому, что его надо было кормить, любить и гладить, а она возвращалась домой в одиннадцать вечера уставшая и с одним желанием: в душ и спать. Какое уж тут любить и гладить! Её саму бы кто-нибудь любил и гладил.

Восемь лет она была в этой фирме той, кто приезжает в семь утра, той, кто закроет чью-то ошибку, вытащит чьё-то

провальное дело, разрулит чью-то ситуацию.

«Леночка, выручай».

«Леночка, только ты справишься».

«Леночка, только на тебя надежда».

Восемь лет «Леночка», и ни разу «партнёр».

— Звучит, — признала.

— Тогда выиграй этот процесс! — припечатал шеф. — Против тебя ведь там Гордеев?

— Он самый.

— Ну-у-у, — Савельев усмехнулся, — урод, конечно, но умный, зараза. Ничего, ты у нас тоже умная. И не урод, в отличие от него.

Он засмеялся над собственной шуткой, посчитав её очень остроумной. Елена улыбнулась одним уголком губ, ровно так, как полагается улыбаться шутке начальника, и вдруг поймала себя на мысли, что повторяет чужую мимику. Ту самую полуулыбку здоровой половиной лица.

Только у неё-то обе половины были здоровы. Тогда с чего такая мимика?

“Очень интересно…” — протянула она мысленно, не сильно вслушиваясь в то, что ей говорил шеф. Главное она уже услышала, остальное была вода.

Шеф наконец закончил сотрясать воздух и царственно махнул рукой:

— Работаем, Елена. Я уверен, ты сделаешь этого урода!

Она кивнула Савельеву и, наконец, вышла из его кабине-

та. У неё не шли из головы слова Игоря о том, что её клиентка что-то скрывает.

И первое, что Елена сделала, переступив порог собственного кабинета, набрала Ирину Лаврову.

Клиентка сняла трубку после третьего гудка. Лаврова была явно на взводе, а потому говорила со своим адвокатом так, будто именно Шарова была причиной её плохого настроения.

Услышав вопрос Елены, переспросила:

— Март три года назад? Ничего не было в марте. Открыли две точки на набережной, вот и всё.

— Вы уверены? — надавила голосом.

— Елена Андреевна, я плачу вам не за то, чтобы вы меня допрашивали! — тут же ушла в оборону клиентка.

— Ирина, вы платите мне за то, чтобы вас, — она сделала ударение на этом слове, — не допросил в суде адвокат с той стороны, — спокойно закончила Елена. — Поверьте, Гордеев спрашивает гораздо менее вежливо.

На том конце провода повисла пауза, такая длинная, что Елена подумала о том, что ответа не дождется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.